



ПАМЯТЬ СЕРДЦА



«Природа его щедро одарила: и аналитическим умом истинного учёного, и талантом преподавателя, лектора, и блестящей логикой мышления, и организаторскими способностями. Да, он был крупным учёным и исследователем. А ещё отличным фотографом и режиссёром, неуёмным собирателем фольклора Поволжья и знатоком русской народной культуры... Да, он весь отдавался своему труду учёного, но душа его была и оставалась душой талантливейшего поэта».

(Светлана Матлина.
Из предисловия к книге стихов)

25 февраля 2024 года ушел из жизни Михаил Гершенович Матлин, фольклорист, этнограф, литературовед, педагог, поэт. Любимый преподаватель многих студентов филологического факультета Ульяновского педагогического университета.

И только после его ухода мы открываем Михаила Матлина как поэта. Жена и дочь, Светлана Ивановна и Анисия, подготовили к печати книгу стихов «Снится поле...»

Михаил МАТЛИН (1951–2024)

Стихи из книги «Снится поле...»

СЛУЧАЙ

Да будет случай,
Который нас
Однажды свел
В январский вечер.
Я помню все.
Я помню Вас.
С годами лучше,
Ярче, резче.

Да будет мир,
В котором Вы
Случайно есть,
Отныне – вечен.
Да будет весь
Теплом любви
Он, как и мы,
Очеловечен.

*

Там была дорога в поле.
Птичьи трели в поднебесье.
В деревянной старой школе
Начиналась наша песня.

Были в ней слова обычные,
Но мелодия – старинной.
Раскрывала непривычно
Душ высоты и глубины.

Сокровенна песня сердца
Для любого человека,
Всем родимая от века,
Болью-радостью бессмертна.

И вела, звеня чудесно,
В голубое, золотое,
То, где птица в поднебесье,
И дорога в чисто поле.

РОССИЯ

«Светло-светлая,
Красно-украшена»,
С городами, как с тестом
Заквашенным.

То-то хлеб будет
Внукам и правнукам,
Да и в будние дни,
не по праздникам!

Лишь с деревней колодцы б
Не высохли,
Те, что деды в земле нашей
Высекли.

*

Голос Родины – гудок
Тепловоза и трехтонки,
Песня женщин над гульбой,
Смех и дерзкий свист ребенка.

Облик Родины – село,
Город, поле, лес, дорога.
И душа – почти во всем
Как талант, что дан от Бога.

НА КЛАДБИЩЕ (Октябрь)

Месяц, как улетели грачи.
В голых ветках небо пустое.
Воздух чист, но немного горчит,
На листве и железе настоян.

Бродит кошка по черной тропе.
В церкви поп отпевает старуху.
Одиноко летит воробей
На границе и зренья и слуха.

Что меня затащило сюда,
Где уже никого не хоронят,
Где над братом из жести звезда
И трава, что с оградой ровень?

Почему с каждой болью сильней
Тянет разум и душу к могилам?
Жаль, что бабушка Женя в земле.
Она знала... Она говорила...

*

Огни и музыка. И вот
Ночной, веселый теплоход
Плывет вдоль берега, где мы
В саду, среди сверчков и тьмы,
У костерка в сырых плащах
Сидим и курум натошак,
Уже отспорив, отключив,
И теплоход плывет в лучах,
Даря волной,
Певучей, мягкой
И цветной,
Пустынный берег, сад и тьму,
Где мы втроем, по одному,
Где каждый с думой своей
Сидит спокойно меж друзей.

*

Ничего не изменить,
Не исправить, не поправить.
Стала тоньше жизни нить,
Но прочней и властней память.

Вот и я перед тобой
По своей и Божьей воле,
Словно лист перед травой –
Свет вечерний в чистом поле,

Перед огненной рекой,
Перед древнею звездой.
Напой меня водой –
Мертвою или живою.

1985–1987

*

Хорошо, что есть на свете
Тихий дворик, вечер, дети,
Над краснеющей рябиной
Гомон стайки воробьиной,
Вздохи ветра в листьях липы –
И ничтожный, и великий,
И бессмертный, и минутный
Мир домашнего уюта.

*

Дорога меня не обманет.
Водой не обделит ручей.
И ветер, живущий в кармане,
Не бросит в ночи без ключей.

Поделится песнею птица.
Дуб – мыслью. Трава – тишиной.
И все, что в глазах отразится,
Не сразу, но станет душой.

*

Не разуму – душе живой
Дано великое умение
Вести разумное общение
С Природой-матерью самой.

Не разрушая сладость тайн,
Единства истины и счастья,
душа и там найдет участие,
где разум встретит пустота.

*

Все, чем душа твоя полна,
Невольно в звуки обернется,
Когда взойдет в ночи луна.
Все, чем душа твоя больна,
Едва ли в звуки перельется,
Но вот взойдет луна – она

Все серебром лучей покроет,
Ее утешит, успокоит,
Баюкая в объятьях сна.

*

Апрельский лес, чуть розовый, чуть дымный,
 Так тихо ласков, солнечен и светел,
 Что, разметавшись, я и не заметил,
 Как стали мысли тихими, простыми.
 Лес напоён был обновленья духом.
 Звенела где-то в отдаленье птица.
 Я шёл и вспоминал людские лица
 И звуки города, привычные для слуха.

И солнцем предзакатным осенённый,
 Я наполнялся тишиной бездонной.

*

В лесу, среди сосны и земляники,
 Где солнце превратило лица в лики,
 Где пенье комара под крик сороки
 Сближало дали, замедляло сроки,
 Где около заросшего кладбища
 Рябинка клонится и ветер вольный свищет,
 Усталая душа себе приют искала,
 Душа вилась, душа гнездо свивала.

*

Люблю тебя, мой день осенний,
 Листою выветренный день,
 Когда, как в детстве в воскресенье,
 Полуистомы, полулень,
 Полутаинственное знание
 Во что-то чудное с утра,
 Когда уже не в наказание,
 А бескорыстно, от добра
 То слёзы выдувает ветром,
 То губы холодит дождём,
 Когда с родимым белым светом,
 С той жизнью, что я был рожден,
 Все бессловесней, ощутимей
 Родство и плоти, и души,
 Где ты не будешь, моё имя,
 Всеми что в жизни есть, чужим.

*

Сентябрь. Утро.
 Прозрачны дали.
 И утки с криком
 Летят над Волгой.

Летят сквозь ветер,
 Холодный ветер,
 Светло и сильно
 Вздывая крылья.

С холма крутого,
 Куда с разбега
 Вбежал мой город,
 вбежал и замер,
 и дальше – робко
 тропинкой сада
 спустился к Волге –
 их провожаю.

Стою и тихо
 Шепчу я стае
 Слова прощанья,
 Запоминая,
 Как звуком долгим,
 Протяжно-нежным
 Летят сквозь утро
 Над Волгой утки.

Мы плывём по реке в никуда ниоткуда,
 засыпая под плеск колыбельной воды,
 вспоминая о прошлом, надеясь на чудо
 и страшась неизбежной беды.

Наши пальцы ласкают ленивые рыбы,
 тени чаек скользят, отражаясь в глазах.
 Мы уже не хотим, но, наверно, могли бы
 оглянуться, очнуться, вернуться назад.

Мы плывём, погружаясь в туманы столетий,
 растворяясь в хрустальной, студёной воде,
 наконец-то за всё перед Богом ответив,
 все вернув до гроша беспощадной судьбе.

Бесконечное, вечное, млечное небо
 и покой напоённой забвеньем души,
 и сладчайшее пение справа и слева,
 и навстречу мама спешит.

И снова даль, раскрытая, как книга,
 и тот же лист, и тот же окоём,
 но ни следа, ни знака нет о том,
 что длило ночь дыхания и вскрика...

Но всё равно душа, которой нет
 родней, из плена плоти,
 как голуби, как ангелы в полёте,
 преображаясь, снизойдёт ко мне...

О, как тогда из мрака немоты
 по лестнице ладоней и наречий
 Я поднимусь навстречу,
 перевернув листы...

Ты дождь увозила в попутной машине.
 Взмахнула рукой – и с дорогой слилась.
 И в небо воронами брызнула грязь,
 налипшая за ночь на стёртые шины.

Но солнце сияло в бескрайнем и синем.
 Дымилась земля. Поднималась трава.
 И лишь у небес горизонт обрывал
 дорогу, которой ты стала отныне.

РОМАНС

Потом была насмешливая нежность
 токайского, разлитого в две рюмки.
 Немного дождь, спокойный, но тяжёлый,
 немного астр в хрустальной узкой вазе.

Но тонкий гриф гитары-коротышки
 Из-за тахты выглядывал лукаво.

А юная хозяйка в светлом платье,
воздушная и легкая, как утро,
смеялась так раскованно, по-детски,
что смуглое лицо порозовело.

Но тонкий гриф гитары-коротышки
Из-за тахты выглядывал лукаво.

* * *

Стану старым, больным, сутулым...
Но в последний день на земле
из толпы, из дневного гула
голос твой долетит ко мне.

И беспомощнейшее тело –
отсеченная крайняя плоть –
вспомнит всё, что любило, горело,
задышалось, стонало, пело,
что сквозь пальцы в землю ушло...

И тогда лепеча и плача
имя Божье как знак и весть,
я свернусь, как дитя, в калачик
и впервые раскроюсь весь.

* * *

А.А.А.

И снова меня увезёт электричка
туда, где колеблются, словно весы,
слепая любовь и святая привычка –
у жёлтой берёзы, холодной сосны.

Где память чужую – голодную чайку
качают ладони балтийской волны,
где отсвет небесный, вечерний, случайный
у жёлтой берёзы, холодной сосны.

Где в просеке, в соснах – звезда и прохлада,
где время уходит до новой весны,
где думать о славе и смерти не надо
у жёлтой берёзы, холодной сосны.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ГОРОД

Бумажный кораблик в сентябрьском ручье,
озябшая кошка на чёрном заборе,
за ним то ли сад, то ли крохотный дворик,
где ветер качает сырую качель.

Пройдет ли прохожий, промчит ли трамвай,
лишь тополь листком одиноким прольётся,
да кошка лениво на звук обернётся,
да в дворике тихо качнётся трава.

РОДИНА

Здесь ветер поёт в волосах
протяжную русскую песню,
здесь перепел в мокрых овсах
зовёт умереть и воскреснуть,
здесь после ненастного дня
лазурным и кротким сияньем
закат осеняет меня
и благословляет молчаньем.

* * *

Как прежде, над родиной милой
ненастные тучи плывут.
Над бабушкиной могилой
берёза роняет листву.

Роняет. И ветер с обрыва,
смешав её с криком ворон,
несёт, словно эхо от взрыва,
на новый микрорайон.

Что было? Что будет?
Не знаю...
Стою в середине судьбы...
Но эти тревожные знаки!
Но звуки небесной трубы!

* * *

А.Р.

Иду к друзьям в посёлок Дачный,
глотаю горький дым табачный
с цементной пылью пополам.
По праву руку – даль и город,
по леву руку – даль и ворон.
В тени от тучи голова.

Иду к друзьям, больной, голодный,
в любви и мыслях несвободный,
построив жизнь лишь на словах.
По праву руку – даль и город,
по леву руку – даль и ворон.
В тени от тучи голова.

ВОСПОМИНАНИЕ О ФОЛЬКЛОРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Блатной мотив насвистывал шофёр,
врываясь, словно бешеный, в простор
полей и неба.
Грязь из-под колёс
простреливала низенький овёс.
Ухаб –
и мы взлетаем хохоча
над кузовом –
и что-то нам кричат
со встречной, но бидоны – адский звон.
Свихнулся ветер. Парочка ворон
шарахнулась испуганно – держи!
И дальше вдоль овсов, пшеницы, ржи
несёмся, только – свист. И – черт возьми! –
Как здорово – простор – дорога – мы!

ВОСПОМИНАНИЕ О ФОЛЬКЛОРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ – 2

Четвёртый день по улице села
бредут дожди, заглядывая в окна,
берёзка у забора так намокла,
что сгорбилась и стала тяжела.

Следами луж, отмерив дальний путь,
Бредут дожди по улицам раскисшим,
И по ночам, когда скребнутся мыши,
Торжественная к нам приходит грусть.

Щемяще песня русская звучит
о счастье, о любви и о разлуке,
как будто мама, взяв меня на руки,
баюкая, несёт в сырой ночи.

*

Что же останется? – Пыль да дорога,
Птица да небо, в котором высоко,
Ветер да поле, где вольность и воля,
Лес да деревня с пустой колокольней.
Только идущий под небом и птицей
Не остановится, не возвратится.

*

Как легко в твоей комнате мне,
Где на бледно-зелёной стене
Листья клёна накатаны, где,
Как в стоячей озёрной воде,
Отражается в зеркале дом
С небом облачным, где в голубом
Ты подходишь к нему и рука,
Отражаясь, летит в облака.

*

Но вот зима взяла своё.
Четвёртый день к нам в окна – вьюги.
Но мы по-прежнему вдвоём.
Дай мне заломленные руки,

Дай сердца вспыхивую грусть,
Дай безысходность дум и чувств –
я отдышу хоть на чуть-чуть
собой – не пламенем искусства.

Собою, всем. Ты далека.
Не веришь или же не можешь.
На окнах розы из ледка,
И руки зябнут что-то тоже.

* * *

Господи! Какое многоцветье...
Боже мой! Июньские луга...
Где тяжёлый и прохладный ветер
Гладит, как отцовская рука.

С нежностью и счастьем молитвы
Я гляжу в родные небеса,
Где звучат и птичьи переливы,
И людей любимых голоса.

И душа, объятая покоем,
Усмирив томление и боль,
Входит в это летнее, земное,
Как освобождённая любовь.

